

Шведский
БДСМ-детектив

ЭВА ХАНСЕН

Цвет боли:
ЧЕРНЫЙ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)

ББК 84

X 19

Хансен Э.

X 19 Цвет боли: ЧЕРНЫЙ / Эва Хансен. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Шведский БДСМ-детектив).

ISBN 978-5-699-63903-8

«Этот роман еще раз доказывает, что шведский детектив – сегодня № 1 в мире!»
Svensk Expressen

«В этом эротическом детективе страсть переплетается с преступлениями настолько тесно, что любовь окрашивается в цвета боли...»
Stockholm amatör avläsningar

«История, которая началась как роман о приобретении сексуального опыта, с каждой страницей становится все более детективной...»
Göteborg Vitterhetsuänner

«Благодаря Эве Хансен читательницам больше не придется выбирать между детективом и романом о любви: ее книги – и то, и другое!»
Malmö Se och Hoer

Линн Линдберг только что раскрыла серию загадочных убийств, потрясших всю Швецию. Ей даже посчастливилось встретить любовь в запретном мире БДСМ. Но вскоре выяснилось, что это не хеппи-энд, а лишь начало другого — более опасного расследования... Как далеко она готова зайти и сколько еще страшных тайн скрывается за внешне благополучным фасадом Стокгольма?

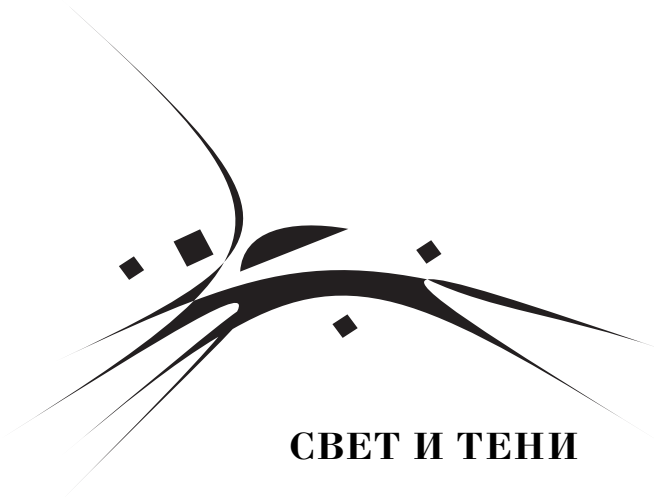
УДК 82(1-87)
ББК 84

© Эва Хансен, 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63903-8

СВЕТ И ТЕНИ

Я просыпаюсь в ставшей привычной позе: голова на плече Ларса, его рука по-хозяйски обхватывает меня, прижимая спиной к груди. Затылком чувствую его ровное глубокое дыхание, так дышат во сне люди со спокойной совестью.

Зимой в Стокгольме светает поздно, и только цифры на электронных часах показывают, что уже утро, а свет ночника не позволяет темноте, притаившейся за окнами замка, проникнуть внутрь спальни. Всю ночь падал снег — крупными хлопьями, словно новогодний, я представляю, как он укутал покрывалом все вокруг: сам замок, двор, причал и яхту, дорожку вдоль берега... Тихо, как бывает рано утром в выходной.

Стараясь не шевелиться, некоторое время лежу, вспоминая, с чего все началось...

Столько всего случилось, прежде чем я, Линн Линдберг, оказалась в объятиях самого красивого мужчины в мире Ларса Юханс-

Эва ХАНСЕН

сона в его постели в замке на острове. Остров не только его, а вот замок личный. Недурно?

Сначала мы с моей верной подружкой Бритт оказались втянутыми в журналистское расследование (которого, собственно, и не было) убийства Кайсы, но Бритт через пару дней отбыла на каникулы домой в Калифорнию, а меня прикрепили шпионить за вот этим самым красавцем, чьи руки в данный момент крепко обхватывают мое обнаженное тело.

Нет-нет, он вовсе не срывал с меня одежду (хотя я не была бы против). Просто Ларс научил меня не стесняться, но помните о границе, за которой можно потакать своим тайным желаниям. Граница — дверь спальни, за закрытой дверью можно все, что не противно, по эту сторону и с ним наедине я распутница, Ларс быстро и легко доказал, что под моей оболочкой скромницы прячется порочная натура, и научил сбрасывать оковы. Конечно, пока не до конца, но я делаю несомненные успехи, ванильный секс в миссионерской позе уже не для меня, мне понравились колечки в груди и даже порка и разные фишки БДСМ.

Это наша с ним тайна, делающая ближе друг к другу. О тайне знает только Бритт (как же без нее?).

На моем месте хотели бы оказаться многие, если вообще не все женщины, для которых слово «секс» не ругательство, а напоминание о чем-то приятном... Дело в том, что Ларс умопомрачительно хорош собой, прекрасно сложен, а уж об омутах стальных глаз, у которых тысячи оттенков и в которых прочно поселились веселые чертенята, и говорить не стоит, их магия вообще за гранью разумного. Женская половина человечества неизменно растекается сладкой патокой у ног Ларса Юханссона.

Но Ларс выбрал меня, почему — не знаю, надеюсь надолго, потому что, если он меня бросит, я умру. Сразу умру, даже мучиться не буду. Ни у кого другого нет таких рук, таких губ, ну и... ладно не

ЦВЕТ БОЛИ: ЧЕРНЫЙ

буду перечислять чего еще, потому что от одного воспоминания о квадратиках его брюшного пресса у меня сводит низ живота.

Еще он богат, причем по-настоящему, умен и образован, но это уже вторично. Главное — его стальные глаза и... и то, что он Ларс! Второго такого нет и быть не может.

Кроме приятных сторон нашего знакомства (о-очень приятных) имеются и крайне неприятные. У меня появился смертельный враг — та самая Анна-Паула Свенссон, которая прикрепила меня к Ларсу. Пока она жива и скрывается от полиции, я жить спокойно не смогу. Она едва не убила меня, а еще подстроила так, что едва не убил Ларс. Анна-Паула вообще преступница, но ненавижу я ее не за покушение на мою жизнь, а за то, что несколько лет назад она смела быть любовницей Ларса!

В моем перечне смертных грехов это самый страшный грех, достойный соответствующей кары. То, что они много лет не виделись, ничего не значит, когда-то Ларс обнимал наглуго Анну-Паулу, чего вполне достаточно для смертного приговора ей! Я просто обязана задушить эту дрянь собственными руками. Меня поймут все, кто хоть раз в жизни бывал влюблен по уши.

Бритт со мной согласна и готова поддержать в поимке и уничтожении Анны-Паулы, потому что полиция сделать это, как видно, не способна. Если за дело берется моя неугомонная подруга, итак много пропустившая из-за каникул в Калифорнии, можно не сомневаться, что век Анны-Паулы недолог. Мы еще не придумали, что с ней сделаем, когда поймаем, но участь нахалки, посмевавшей любить моего любимого, будет ужасна. Будь она мужчиной, кастрировали бы, а вот как быть с женщиной?.. Ладно, к тому времени, когда изловим, что-нибудь придумается...

Конечно, Ларс не должен подозревать об истинных причинах моей ненависти к Анне-Пауле. Он вообще считает, что наше с Бритт

Эва ХАНСЕН

страстное желание поймать и четвертовать нахалку опасно для нас же, потому мы старательно делаем вид, что обо всем забыли. Вряд ли Ларс верит в эту фальшивую амнезию, но пока молчит.

На часах сменились цифры, высветив 7:00. Самое время вставать и одеваться для утренней пробежки. Но сейчас я не бегаю, как делала раньше. Виной всему Ларс, у нас настолько чумовой секс дважды в сутки, что лишних калорий просто не остается, а зарядки для ног лично мне хватает и без пробежки.

От мысли о причинах изменения моего распорядка дня внутри начинает что-то шевелиться. Ларс прав: настоящая распутница, ненасытная и... Ладно, обойдемся без эпитетов. Думаю, если умело разбудить тайные желания, абсолютное большинство женщин окажутся такими же.

— Ты почему не спишь?

Я вздрагиваю. Ларс лежал так тихо, что, когда он проснулся, я не уловила, не было ни малейшего произвольного движения, которое делает человек, переходя от сна к бодрствованию.

— А ты?

Он поворачивает меня к себе.

— Линн, я так боюсь тебя потерять...

— Но почему ты должен меня терять?

Если честно, в сердце заползает какой-то противный холодок. Что это, столько дней он твердил, что я его и только его, а теперь вдруг речь о потере? А вдруг Бритт права и я ему просто надоела из-за излишнего послушания? Бритт вообще зовет меня левреткой с тапками в зубах. Такое послушание непривычно для меня самой, я скромница, но не амеба, а вот рядом с Ларсом иначе не могу, расплываюсь мороженым на горячем, как и все остальные. Неужели и правда надоела?!

ЦВЕТ БОЛИ: ЧЕРНЫЙ

Что за глупости, тогда он не стал бы ничего говорить, спустил наши отношения на тормозах и все... Нет, здесь другое.

— Ну и к какому выводу привел мыслительный процесс?

— Что? — я даже вздрогнула. Задумавшись, совсем забыла, что Ларс наблюдает. — Почему ты должен меня потерять?

Это не вопрос, а попытка скрыть собственные мысли.

— Скоро начинается учебный семестр.

Тоже мне новость! Можно подумать, я об этом забыла.

— Мне предложили прочесть цикл лекций в Оксфордском университете.

— Вау! — я даже сажусь.

— Вот тебе и вау. Лекции два раза в неделю. — Ларс смотрит на меня вопросительно.

— Ну?

— Это означает, что я буду прилетать домой только на выходные.

А вот это плохо, но как я могу сказать что-то против? Не каждый день даже хорошему специалисту предлагают читать лекции в одном из лучших университетов мира.

— Я пока не дал ответ, хотел посоветоваться с тобой.

— Ларс... — Из глаз готовы брызнуть слезы, но я героически держусь. — Ларс, это очень плохо, что тебя не будет по пять дней в неделю, но не стоит отказываться!

— Я боюсь за тебя.

Я удивилась вполне искренне:

— А почему за меня?

— Боюсь, что ты начнешь заниматься не своим делом и попадешь в какую-нибудь историю.

— Клянусь не влипнуть! — Глупо, но рука сама собой легла на сердце, словно подтверждая серьезность клятвы.

— Лучше поклянись вообще этим не заниматься.

— Ларс!

Эва ХАНСЕН

— Что «Ларс»? Думаешь, я не понимаю, что ты начнешь творить в мое отсутствие? Однажды уезжал на неделю, так ты в лайк-кру оделась и поркой занялась.

Он встал, но, щадя мою все еще наполовину скромную натуру, успел обернуть полотенце вокруг талии. Как намекнуть, что я во все не против отсутствия этого самого полотенца?.. Может, хватит играть в скромницу и лучше дать полную волю собственным тайным желаниям? Но требовалось срочно отвлечь его от лайк-кры и того, что ей сопутствовало.

— А где ты будешь жить в Оксфорде? — голос почти медовый, это чтобы увести его от ненужных мыслей.

— Если ты сейчас не пообещаешь ни во что не впутываться, то нигде.

— А если пообещаю?

— Не знаю... Там хороший отель Vanbrugh House рядом с университетом, наверное, в нем. Так как насчет обещания?

— Зачем оно?

В серых глазах смешинки:

— Ты предельно честна, крутишься как угорь, но слова не заниматься сыском не даешь. Вообще-то, правильно, потому что все равно нарушишь. Ладно, я что-нибудь придумаю и просто заберу тебя с собой.

— Вот еще!

— Почему ты не хочешь ехать со мной? — Он ставит меня на ноги и приподнимает лицо за подбородок, заглядывая в глаза. Ой, это один из самых действенных приемов, напрочь лишаящих меня способности сопротивляться.

— Ларс, я...

— Ну что ты? — Губы чуть касаются моих губ, это дразнилка-соблазняка, потому что в ответ внутри немедленно поднимается сумасшедшая волна желания.

ЦВЕТ БОЛИ: ЧЕРНЫЙ

— Мне действительно будет плохо и грустно без тебя целую неделю... — Я не лгу, потому что и пара часов без Ларса теперь кажется пожизненным сроком без права посещения. Интересно, есть такие в тюрьмах?

— И не одну, заметь.

— Я буду плакать, тосковать... Но никогда не прощу себе, если ты откажешься от такого предложения. Не отказывайся, не стоит.

— Линн...

— Ларс, правда, не отказывайся. — У меня снова готовы брызнуть слезы из глаз, но я креплюсь. — Я буду так гордиться тобой! У тебя много знакомых в Оксфорде?

— Как и везде. Если ты имеешь в виду девушек, то не очень, — глаза откровенно смеются, — но тому, что ты меня ревнуешь, я рад. А теперь скажи честно, чего ты сейчас хочешь.

— Я?

Приходит моя очередь изображать изумление, но именно изображать, потому что он видит меня насквозь, и фальшь преувеличенного удивления тоже.

— Угу, ты. Не желаешь озвучить? Ладно, я скажу сам. Ты хочешь, чтобы я взял тебя вместе с собой в душ...

Все это произносится в то время как Ларс действительно несет меня, перекинув через плечо. Я болтаю в воздухе ногами, но сопротивляюсь не слишком. Какой надо быть дурой, чтобы отказаться от совместного душа с умопомрачительным сероглазым красавцем, квадратики брюшного пресса которого сводят меня с ума. Я давно усвоила, что принимать душ вместе с Ларсом значит побывать на седьмом... нет, двадцать седьмом небе.

Для начала он окатывает меня водой, потому что целоваться и заниматься сексом под водяными струями куда приятней, нежели просто в постели. Не пробовали? Советую...

Потом притискивает к стенке душа и начинает целовать. Медленно, дразня и маня, сначала едва касаясь губами виска, щеки,

Эва ХАНСЕН

уха, шеи... губы под запретом, потому что, если они сольются, остальное произойдет мгновенно, а нам обоим хочется растянуть вожделенное удовольствие...

Но разве дразнить, играя языком колечками пирсинга в моей груди, это не садизм?

— Ла-арс...

— У?

— Я не могу больше!

— Терпи!

Голос чуть хриловат, выдает его собственное нетерпение.

Язык играет колечком, одна рука держит мою спину, вторая поглаживает то, что пониже ее... Я выгибаюсь дугой, вцепившись в его плечи, иначе на ногах не удержаться, потому что колени подгибаются. Дыхание через раз и с задержкой...

Медленно, страшно медленно его губы опускаются до моей талии, счет времени потерян, о существовании мира снаружи забыто напрочь, нам он совершенно неинтересен.

Когда Ларс наконец возвращается к моему лицу и принакает к губам, кажется, прошла целая вечность. Я обвиваю его ногами и руками и отдаюсь волне сумасшедшего желания, в очередной раз мысленно обещая, что больше не позволю ему так долго меня дразнить. Но Ларс и тут умудряется оттянуть решающий момент. К тому времени, когда нас обоих все же накрывает эта последняя волна, проходит еще одна вечность. Какие они долгие, эти вечности, особенно в конце! Но я не против, потому что восторженное ожидание блаженных мгновений и страстное желание испытать оргазм ничуть не хуже самого оргазма.

— Не смей закрывать глаза!

— Что? — Оглушенная страстью, я почти ничего не слышу, а соображаю и того меньше.

— Смотри на меня, когда кончаешь.

— Зачем? — я действительно не понимаю.

ЦВЕТ БОЛИ: ЧЕРНЫЙ

— Смотри мне в глаза! — почти рычит он, и я послушно таращусь в его стальные омуты. Нет, я тону в них, ничего не видя вокруг, отдавая тело на волю сумасшедшему желанию, а душу этим серым глазам.

Кажется, кричу, но мне все равно, даже если начнут ломать дверь привлеченные моими воплями бабушка или Бритт. Ничто вокруг не существует, кроме стальных глаз и этого тела. Моего собственного не осталось, оно растворилось, как воск в пламени свечи, нет, в ревушем огне огромного пожара. Я расплавилась, сгорела полностью, но возрожусь, как птица-феникс, это уже не первый раз.

У Ларса на плече следы от моих пальцев, но это небольшие травмы, если бы он не заставил смотреть в глаза, я, пожалуй, умудрилась бы вообще его покусать.

— За... зачем ты заставляешь меня смотреть в глаза?

— Я? — кажется, он удивился вопросу. — Не знаю, просто хочу, чтобы ты принадлежала мне вся — телом и душой.

— Я и так принадлежу.

— Помолчи...

Мы стоим под потоками воды, приходя в себя. Немного погодя я чувствую, как у Ларса снова пробуждается желание. Безумно устала, но одна мысль о возможном повторении заставляет ходить ходуном все внутри, я прекрасно понимаю, что, стоит ему начать снова, я с восторгом поддержу это начинание.

Так и есть.

— На ковре!

— Угу, — я вовсе не против ковра и пола...

— Ты сверху.

— Ларс...

— Трусишь?

Эва ХАНСЕН

Ах так?! Ну держись, я не потеряла навыков с рождественской ночи, когда выполнила желание Ларса получить в качестве подарка «под елочку»... изнасилование. Хочешь еще одно? Я вполне способна его изнасиловать, если он не против, конечно.

Ларс «за» обеими руками и... еще много чем.

— Не смей закрывать глаза!

— Мне так легче... — почти жалобно пишу я, мне действительно так легче.

— Хочу видеть твой безумный взгляд, когда ты кончаешь. Ты так хороша в этот момент!

Мелькает мысль, что он умудряется еще что-то замечать, но ее тут же вытесняет новая бешеная волна желания, думать я уже не способна. Сверху так сверху, и пусть смотрит сколько влезет! Сам же научил за закрытой дверью спальни слушать свое тело, а не пуританские правила приличия. С тех пор как Ларс безжалостно разрушил мой собственный плотный кокон из всевозможных моральных запретов и ложной скромности, каждый наш секс стал просто чумовым, это взрыв, сносящий крышу пару раз в день. Мне больше не требуется бегать, чтобы похудеть.

И снова мой взгляд прикован к его стальным омутам, но теперь я вижу и в его глазах такое же безумие. На сей раз следы, кажется, останутся у меня на талии, потому что руки Ларса держат крепко, очень крепко, помогая двигаться в одном ритме с ним самим. Я не ору на весь замок только потому, что прикусила губу, до крови прикусила...

Выясняется это, когда все заканчивается и я просто падаю на ковер, не в силах двигаться вообще. Мне все равно, как это выглядит, что происходит вне комнаты, что вообще творится в мире. Некоторое время мы лежим, совершенно обессиленные, потом Ларс переворачивает меня на спину, наклоняется к лицу:

— Эй, ты жива?

— Не уверена.

ЦВЕТ БОЛИ: ЧЕРНЫЙ

— Губу прокусила.

Он слизывает кровь, чуть покусывает пострадавшую губу, но не больше, мы устали, требуется отдых. Или просто передых?..

Скажи мне кто еще пару месяцев назад, что я способна буквально рычать, сидя на парне верхом, обозвала бы придурком. Но, кажется, жизнь способна разрушить еще и не такие «твердые» убеждения...

* * *

— Эй, эй! А ну, пошел вон! Это наше место!

Йен мог себе это позволить: вот так орать на рослого, крепкого парня, потому что они с Якобом стояли на мосту, в то время как парень что-то искал на берегу у самой кромки воды. Была надежда удрать, если тот, кому пригрозил Йен, решит погнаться за нахалом.

Конечно, чисто одетый парень, чья очень приличная машина осталась на дороге у моста, не мог быть конкурентом двух бомжей, обычно промышлявших на берегу. Эти два пенсионера вовсе не были бездомными, у каждого имелось жилье, но, оставшись без работы, они решили вспомнить молодость и немного пожить как хиппи, что летом получилось довольно просто. Почувствовали вкус вольной жизни, втянулись и вот теперь, сами не зная почему, практически бомжевали, ночуя где попало и питаясь благотворительными обедами. Оправдание нашли очень простое:

— Йен, ты представляешь, как вырастет наш счет в банке, пока мы живем на природе и не тратим пенсию!

Глупость, конечно, но что им делать в одиночестве дома? А так вспомнили буйную молодость шестидесятых.

В бездомной жизни прошло лето, потом осень, началась зима...